

20 АПР 1968

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА

ождать. Приходишь в концертный зал и слышишь песню, которую когда-то сам «подобрал» на улице. Все ее знают, все ее поют, а если до эстрады она дошла в последнюю очередь, то с эстрадой это бывает. Автора никто не знает или знают, да не того (вот и я узнал только здесь: из оперы Микаэла Таривердиева «Кто ты?», песня на стихи Михаила Львовского, — пойдешь ты, какие бывают оперы).

«Вагончик тронется — перрон останется».

Да, да, разумеется. Но странный голос. Чего-то он недоговаривает.

Песню делают мелодия, слова и голос, и еще неизвестно, в каком порядке их нужно перечислять, если нам важна справедливость. Впрочем, песен стало так много, а голосов так мало, что справедливость нам не важна. Этот голос хочет сказать больше, чем говорит, — что-то ему мешают.

«Стена кирпичная,
Часы вокзальные».

«На Тихорецкую состав отправится. Вагончик тронется...»

Этого следовало ожидать. Приходишь в концертный зал и слышишь песню, которую когда-то сам «подобрал» на улице. Все ее знают, все ее поют, а если до эстрады она дошла в последнюю очередь, то с эстрадой это бывает. Автора никто не знает или знают, да не того (вот и я узнал только здесь: из оперы Микаэла Таривердиева «Кто ты?», песня на стихи Михаила Львовского, — пойдешь ты, какие бывают оперы).

Назывные предложения повысились в цене: все мы знаем, все было, вы только назовите предмет, а «гамму чувств» мы сыграем сами. Еще никуда не уехав, только войдя в вокзал, мы уже отделены от города — здесь все другое, и на маленькой станции так же, как на столичном вокзале, и вдоль всего рельсового пути — официально это называется полоса отчуждения, а неофициально — стена кирпичная, часы вокзальные. Платочки белые.

«Платочки белые, глаза печальные», — поет Майя Головня.

Майя Головня в данный момент просто хорошая эстрадная певица, каких не то чтобы много, но хватает, а ее голос с фантастической, нездешней силой требует у нее, молит и заклинает — не быть просто хорошей, потому что ему, голосу, в этих рамках тесно и он не может сказать все, что у него есть за душой.

Она старается, она не глуха к этой мольбе. Стоя перед унылой стеной эстрадного стандарта, она то ищет лазейку, то пытается идти напролом, от старинных романсов бросается к речитативам Таривердиева, а потом... а

КРУГ
ПЕСЕН
И КРУГ
ЧУВСТВ